

ФИЛОСОФИЯ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ **У истоков Минской методологической школы**

Л.М. ТОМИЛЬЧИК

В ходе обширного интервью, данного академиком В.С. Степиным более десяти лет назад в преддверии его 70-летия, был затронут и вопрос о минской методологической школе, сформировавшейся на базе Белорусского государственного университета (БГУ) в 70–80-х гг. прошлого столетия. При этом ведущий (чл.-корр. РАН И.Т. Касавин) подчеркнул значимость этого события, по его образному выражению, на «ландшафте марксистской философии»¹. Поскольку, как хорошо известно, белорусская часть такого ландшафта в области философии и методологии науки сумела зарекомендовать себя как малопривлекательная еще задолго до этого события, то в этой фразе ведущего невольно угадывался некоторый оттенок вопроса: «Как могло случиться, что в начале 70-х оказалась зарегистрированной яркая вспышка в той области общесоюзного философского небосклона, где отродясь не наблюдалось ни звезд, ни созвездий, а еле-еле просматривалась лишь тусклая туманность, от которой не приходилось ожидать не то чтобы сверхнового, а хотя бы чего-нибудь мало-мальски путного?»

Вообще говоря, в ходе интервью сам Вячеслав Семенович пояснил ситуацию, весьма обстоятельно и акцентировано описав те «стартовые условия» 1950 – начала 1960-х гг. в которых ему пришлось делать первые шаги². Тем не менее это, если использовать физическую терминологию, «взгляд из собственной системы отсчета», т.е. с позиций, так сказать, производителя оригинального методологического продукта.

Полагаю, что будет не лишним дополнить картину взглядом из системы отсчета, которая является собственной для потребителя этого продукта, поработавшего некоторое время в области методологии науки в качестве своего рода «подручного сталевара», но оставшегося в границах своей профильной специализации (теоретическая физика).

Кроме того, помимо дачи дополнительных «свидетельских показаний по делу» о минской методологической школе, хотелось бы поделиться и некоторыми соображениями науковедческого характера.

Для возникновения научной школы необходимо выполнение как минимум двух условий. Это, во-первых, – существование соответствующей профессиональной социокультурной среды, в которой подобного рода структура вообще могла бы «выкристаллизоваться», и, во-вторых – наличие лидера, способного выступить в качестве «центра кристаллизации». Между тем в такой области научно-образовательной сферы послевоенной Белоруссии как история, философия и методология естественнонаучного знания оба эти условия отсутствовали.

Регулирование и контроль за развитием философской мысли в Академии наук БССР в 1950-х гг. осуществлялись выходцами из аппарата

ЦК КПБ, весь философский багаж которых ограничивался сведениями, почерпнутыми из четвертой главы «Краткого курса истории ВКП(б)». Тем не менее именно они возглавляли как Институт философии и права, входивший в состав академического отделения общественных наук, так и само отделение. На общую ситуацию не повлияло и то обстоятельство, что в период с 1955 по 1961 гг. отделом диалектического и исторического материализма Института руководил «ссылный» министр культуры СССР академик Г.Ф. Александров – специалист, достаточно сведущий в вопросах истории западноевропейской философии.

Немногом лучше в этом отношении обстояли дела и на отделении философии исторического факультета Белгосуниверситета, поскольку и там действовала система жестких идеологических табу. Примеры (причем довольно курьезные) университетских реалий того времени приводит сам Вячеслав Семенович в своем интервью.

Во второй половине 1950 – начале 1960-х гг. ситуация начала меняться. Трансформации духовного климата страны в эпоху так называемой «хрущевской оттепели» открыли новые возможности для развития философии и прежде всего той ее области, которая обозначалась термином «философские вопросы естествознания». Здесь формировались новые направления исследования, преодолевавшие предшествующую практику отторжения достижений науки, не согласующихся с упрощенным и догматизированным диалектикой.

В качестве альтернативы была выдвинута программа развития категориального аппарата материалистической диалектики с опорой на достижения естествознания (анализ под этим углом зрения категорий «движение» и «развитие», «пространство» и «время», «причинность» и т.п.).

В начале 60-х гг. акценты были перенесены на эпистемологическую и методологическую проблематику философии науки. Центральное место в ней заняли вопросы закономерностей научного познания с учетом его исторической эволюции. При таком подходе исторически изменчивыми предстают не только результаты научного исследования (рост научного знания), но и средства, операции, методы и даже общие методологические принципы, обеспечивающие познание все новых областей объективного мира. Характерно, что в этот же период произошел кардинальный поворот и в западной философии науки, в которой после кризиса неопозитивизма возникли направления, ориентированные на историческое исследование приемов и методов построения научного знания (К. Поппер, Т. Кун, И. Лакатос, С. Тулмин, П. Фейерабенд и др.).

Формирование в советской философии новых подходов сопровождалось критическим отношением к упрощенным версиям диалектического материализма и обращением к аутентичному марксизму, в котором были акцентированы идеи практической природы познания и системного видения развивающихся объектов, в том числе и самого научного познания.

Разумеется, все эти изменения не были одномоментными. Они заняли почти столетия и развертывались неравномерно. В тогдашней Белоруссии инерция прошлого сохранялась значительно дольше, чем, например, в Москве или Ленинграде.

Ретроспективно оценивая достижения философии и методологии науки 1960–1980-х гг., В.С. Степин особо отмечал, что основные результаты этого периода были сопряжены с анализом истории математики и физики. Среди естественнонаучных дисциплин физика занимала приоритетное место в этом отношении не только потому, что сохраняла статус лидера естествознания, открывая глубинные закономерности строения и эволюции нашей Вселенной. В методологическом аспекте выделенность физики определялась тем, что она была наиболее развитой в теоретическом отношении научной дисциплиной. Это позволяло выявлять в методологическом анализе физического знания те аспекты структуры и динамики науки, которые лишь в неявной, зародышевой форме содержались в дисциплинах, только вступающих в стадию теоретизации и математизации³.

Разумеется, для осуществления такого анализа нужна была не только философская, но и соответствующая естественнонаучная подготовка, позволяющая глубоко разбираться в анализируемом материале.

В беседе с И.Т. Касавиным В.С. Степин специально выделяет два ключевых момента, относящихся к предьстории минской методологической школы. Это – своевременное осознание им необходимости профессионального знакомства с основами естествознания, в первую очередь – физики, а в последующем – регулярные контакты, дискуссии и совместная работа с физиками белорусской Академии наук.

И то и другое смогло успешно осуществиться в условиях тогдашней Белоруссии во-многом потому, что в отличие от ситуации на «философском фронте», положение дел в сфере физико-математических наук и соответствующего образования было кардинально иным. Здесь к началу 50-х уже существовали и благоприятные традиции, и зародыши оригинальных научных школ. И здесь В.С. Степин получал ту необходимую поддержку своим поискам, которой он не имел в философском сообществе Белоруссии в конце 50 – начале 60-х гг. Полагаю, что учет данного обстоятельства совершенно необходим для понимания феномена минской школы. Поэтому имеет смысл обратиться к некоторым фактам истории становления науки и высшего специального образования в Белоруссии советского периода.

На физико-математическом отделении педагогического факультета БГУ с 1928 по 1931 г. преподавал профессор Яков Громмер, берлинский ассистент и соавтор работ Эйнштейна, рекомендованный на эту должность непосредственно руководителем. С 1931 г. до своей безвременной кончины в возрасте 54 лет (1933) он был сотрудником физико-технического института АН БССР.

В 1929 г. заведующим кафедрой высшей математики в БГУ стал выпускник Венского университета Целестин Бурстин, который после

избрания его академиком АН БССР в 1931 г. возглавлял Физико-технический институт Академии вплоть до рокового в судьбе многих 1937 г. (В следующем году этот институт был расформирован и возобновил свою работу только после войны.)

Едва ли можно считать случайным, что в списке выпускников БГУ конца 20-х — начала 30-х гг. значатся такие имена, как Лев Андреевич Арцимович (1928), Федор Иванович Федоров (1931), Антон Никифорович Севченко (1933). Поиски пути в большую науку привели их всех в Ленинград — в один из ведущих образовательно-исследовательских центров СССР в области физики. Арцимович достаточно быстро вошел в состав научной элиты Советского Союза. Севченко, пройдя 20-летнюю научную «натурализацию» в знаменитой оптической школе Сергея Ивановича Вавилова, вернулся в Минск в начале 50-х, уже «в компании» с другими продуктивно работающими учеными, успешно перенеся вместе с ними богатые научные традиции Государственного оптического Института (ГОИ) на белорусскую почву.

В деле «вспахивания и культивирования» этой почвы исключительная роль выпала на долю Федорова. В качестве аспиранта физико-технического института АН БССР он был в 1933 г. откомандирован в аспирантуру при Ленинградском университете, где его научным руководителем стал выдающийся физик-теоретик, один из создателей квантовой теории и активных разработчиков проблем эйнштейновской общей теории относительности Владимир Александрович Фок.

Федоров достаточно быстро освоил широкий круг новых концепций и математических методов квантово-релятивистской физики, выполнив оригинальные исследования, результаты которых составили содержание его кандидатской диссертации, успешно защищенной в 1936 г.

По возвращении в Минск исследовательская и преподавательская работа была продолжена им в физико-техническом Институте АН БССР и одновременно на физико-математическом факультете БГУ, где он с 1933 г. возглавил созданную по его же инициативе кафедру теоретической физики, бессменным руководителем которой он оставался на протяжении более двух последующих десятилетий. Именно на этой кафедре возникли первые ростки белорусской, ныне — международно признанной школы теоретической физики, названной именем ее создателя. В 1948 г. на кафедре теоретической физики появился первый выпускник этой школы: кандидатом наук стал ученик Федорова — талантливый молодой теоретик и прекрасный университетский лектор Иосиф Залманович Фишер.

Благодаря усилиям Федорова и Фишера физико-математический факультет БГУ по уровню преподавания теоретической физики в конце 40-х — начале 50-х гг. фактически не уступал элитным московским вузам, включая МГУ.

Именно блестящие лекции Фишера по ядерной физике и электронной теории металлов, а в особенности Федорова по квантовой механике, определили выбор моей будущей научной специализации. Эти

же лекторы обеспечивали в те времена и чтение курса физики в рамках обязательной учебной программы для студентов отделения философии исторического факультета БГУ. Важно то, что высокий уровень преподавания физики давал надежный иммунитет в отношении крайних проявлений воинствующего материализма в физике. Кроме того, Федоров унаследовал от своего учителя – академика В.А. Фока не только научный багаж, но и его методологические принципы, не подверженные, как хорошо известно, влиянию идеологической конъюнктуры.

Сам Вячеслав Семенович вспоминает о незабываемом впечатлении от лекций Федорова и Фишера. В свою очередь Иосиф Залманович в ходе экзамена был настолько поражен уровнем знаний студента-третьекурсника исторического факультета в области физики, что предложил ему немедленно переводиться на физико-математический факультет. Степин устоял, однако прослушал интересующие его курсы лекций с разрешения деканата на физико-математическом факультете.

Таким образом, процесс философского самообразования студента Степина органично переплетался с получением профессиональных знаний в области физики вообще и теоретической – в частности.

В конце 40 – начале 50-х гг., остро переживая по поводу полного отсутствия в системе белорусской Академии наук (как, впрочем, и в республике в целом) специализированных научных учреждений физико-математического профиля, глубоко беспартийный Федор Иванович Федоров непрерывно «атаковал» ЦК КПБ посланиями, в которых обосновывал абсолютную недопустимость такого положения дел. При этом он всячески подчеркивал приоритетную роль физики и математики в системе наук о природе, их определяющее значение для образования. Ответная реакция партийного начальства оказалась достаточно быстрой, но как принято теперь говорить, несколько «асимметричной». Тогдашний секретарь ЦК КПБ по идеологии Т.С. Горбунов (который по злой иронии судьбы был в 1959 г. «разжалован» в академики и возглавил отделение общественных наук) усмотрел в этих тезисах Федора Ивановича скрытую идеологическую диверсию, поскольку он, секретарь, твердо знал, что основополагающей базой всех наук является марксистско-ленинское учение, а вовсе не какая-то там физика с математикой. В результате возникло, и было неоднократно тиражировано официальное обвинение Федора Ивановича в политической незрелости, что по тем временам могло повлечь за собой соответствующие оргвыводы.

Однако Федоров не прекращал своих усилий, ему удалось заручиться поддержкой некоторых «светлых голов», входящих в руководство Академии наук, и, в конце концов, «лед тронулся». В 1953 г. началась высадка знаменитого «ленинградского десанта» – действительными членами белорусской Академии наук были избраны и переехали в Минск А.Н. Севченко и Б.И. Степанов, спустя некоторое время «команда» пополнилась В.И. Крыловым и М.А. Ельяшевичем. В том же

году в составе физико-технического института АН БССР был организован физико-математический сектор, а спустя два года (январь 1955) состоялось рождение Института физики и математики — событие, которое ознаменовало начало качественно нового этапа в развитии науки и университетского образования в нашей республике.

В новом институте Федоров возглавил лабораторию теоретической физики, оставаясь одновременно заведующим университетской кафедрой, где я к этому времени уже стал его аспирантом. В федоровской лаборатории института я оказался сразу после окончания аспирантуры в октябре 1957 г.

Со Степиным мы познакомились и подружились в 1952 г. на спортивных площадках БГУ. Довольно скоро в круг наших общих интересов вошла тема, обозначенная в заголовке настоящей статьи. Я консультировал друга по интересовавшим его проблемам квантовой механики и электродинамики, невольно поражаясь той легкости, с которой он «схватывает» суть вопросов, далеко не простых для понимания. Еще больше я был удивлен и обрадован, когда обнаружилось, что в его лице я получил по-настоящему компетентного философа-консультанта. Дело в том, что мой интерес к философии изначально носил не абстрактно-мировоззренческий, а скорее — теоретико-познавательный характер. Еще школьником я безуспешно пытался выяснить, как Менделееву удалось додуматься до своего периодического закона, а Планку — до кванта действия. Но когда в процессе усвоения университетского курса электродинамики все тот же сакраментальный вопрос возник у меня в отношении максвелловского тока смещения, то адрес, по которому следовало искать ответ, обозначился предельно четко. Теория познания — неотъемлемая часть философии, а ее вершиной является диалектический материализм.

Однако знакомство с каноническим диалектизмом оказалось разочаровывающим. Прежде всего, смущала сама практика использования концепций философии как науки о наиболее общих законах природы, человеческого общества и мышления. Получалось так, что, например, о физических закономерностях философия знает нечто большее, чем сама физика.

На поверку же оказывалось, что законы объективной диалектики (единство и борьба противоположностей, переход количества в качество) применительно к физической реальности сильны, как говорится, «задним умом», и в содержательном плане не добавляют ровным счетом ничего, кроме специфического терминологического обозначения уже хорошо известного.

Но чувство особенно «глубокого неудовлетворения» вызывала ключевая ленинская гносеологическая триада: «от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него — к практике». Здесь немедленно возникал следующий вопрос. Каким образом живое созерцание одной и той же экспериментальной реальности может приводить абстрактное мышление разных исследователей к созданию альтернативных теоретических «портретов» этой реальности, весьма несходных между собой не только в конкретно-модельном, но и в концептуальном плане (Ампер и

Вебер, Фарадей и Максвелл – электродинамика, Гейзенберг и Шредингер – квантовая механика, Ньютон и Эйнштейн – теория гравитации)?

Правда, помимо «Материализма и эмпириокритицизма» и «Диалектики природы» в списке рекомендованных первоисточников значились и «Тезисы о Фейербахе» Карла Маркса. В них прямо указывалось, что познающему субъекту объект задан не в форме созерцания, а в форме предметной человеческой практики. Однако внимание студентов на этом пронизательном и глубоком по содержанию высказывании Маркса в те времена как-то не акцентировалось, возможно потому, что текст тезиса начинался словами «недостаток всего предшествующего материализма», а само словосочетание «недостаток материализма», даже с учетом его авторства звучало, если использовать популярный в наши дни термин, «не вполне политкорректно».

Своими сомнениями я поделился со Степиным и услышал от него немало чрезвычайно интересного и неожиданного.

Прежде всего, теоретическое знание принципиально не выводимо чисто индуктивным путем из наблюдений. Кроме того, высказывания теоретического языка науки непосредственно относятся не к реальным объектам природы, а к некоторым идеальным конструктам, «репрезентирующим» эти объекты не полностью, а только по некоторым выделенным признакам. Я узнал также, что непосредственная область компетенции «диалектики по Гегелю» – это сфера понятий, а онтологизация законов диалектики требует принимать во внимание различие между простыми (механическими) и сложными саморазвивающимися системами. Что же касается абсолютной первичности материального по отношению к идеальному, то и здесь дело обстоит не так просто. В ходе своей реальной деятельности человек испокон веков изобретает нечто, не представленное в природе «в готовом виде», будь то колесо, табуретка или радиоприемник. Но при этом любому «акту творения» непременно предшествует возникновение в голове творца некой программы последующих целенаправленных действий.

Что же касается ленинской триады, то В.С. Степин дал ее совершенно новую трактовку по сравнению с общепринятой в то время. Нельзя отождествлять эмпирический уровень научного познания с живым созерцанием и полагать абстрактное мышление характеристикой только теоретического познания. Поэтому ленинскую формулу (от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике) не следует интерпретировать как описание процесса научного познания в целом, но ее можно сохранить, если рассматривать как характеристику элементарного познавательного цикла, которая многократно повторяется в процессе познания. Тогда практика выступает не только завершающим, но и начальным этапом этого цикла. Взаимодействие чувственного и рационального проявляется не только на уровне эмпирического исследования (при фиксации данных наблюдений и последующем переходе от них к эмпирическим фактам). Оно присуще также теоретическому поиску,

важным аспектом которого является оперирование идеализированными объектами. Последние же функционируют в качестве обобщенных представлений, выражающих сущностные связи исследуемой реальности.

По проблеме связи философия — естествознание было сказано, что структура, методы исследования и надежно установленные результаты, представленные в конкретных разделах природоведения, для теории познания — примерно то же самое, что совокупность экспериментальных фактов для каждой из предметных областей. Но есть и другая сторона взаимодействия философии и естествознания. Освоение в естественных науках новых типов системных объектов периодически порождает проблему новых смыслов категорий, определяющих понимание и системное видение новых объектов (категорий части и целого, вещи и процесса, причинности, пространства и времени). В такие эпохи в сам процесс построения новых теорий интегрируются философские проблемы. Их обсуждение и решение предстает одним из условий построения новых теорий. Примером тому служат дискуссии по проблеме понимания причинности в эпоху построения квантовой механики.

Способность выработки новых категориальных смыслов является одной из важнейших особенностей философского познания. В нем есть слой теоретического исследования, в рамках которого происходит генерация нового понимания фундаментальных категорий мышления. Наука заимствует из философии эти результаты и конкретизирует их, адаптируя к собственным проблемам. Эту задачу в эпохи научных революций решали великие ученые, создававшие новые фундаментальные теории и новую научную картину мира — Г. Галилей, И. Ньютон, Ч. Дарвин, А. Эйнштейн, Н. Бор, Н. Винер, В. Вернадский.

В.С. Степин не раз уточнял и конкретизировал впоследствии проблему прогностических функций философии в научном познании⁴. Развивая идею философии как самосознания культуры, он выявил механизмы конструирования философией новых категориальных смыслов, выходящих за рамки культурной традиции той или иной эпохи и адресованных будущему⁵.

В ходе нашего почти шестилетнего «внутриуниверситетского» общения обсуждались и «Философские вопросы современной физики» — увесистый фолиант 1952 г. выпуска⁶, содержащий отголоски той идеологической атаки на теорию относительности и квантовую механику, которая была предпринята еще в «роковые сороковые», но захлебнулась благодаря энергичному противодействию ведущих физиков — участников советского атомного проекта. Книга, тем не менее, оказалась опубликованной. В ней, блюстители идеологической стерильности естествознания, привыкшие реагировать не столько на смысл сказанного, сколько на его звучание, усмотрели в термине «наблюдатель», общеупотребительном в релятивистской и квантовой теории, «протаскивание» субъективного идеализма в физику. На страницах этой книги встречались и такого рода пассажи:

недопустимо, чтобы по страницам учебников разгуливали наблюдатели, подрывающие марксистско-ленинскую теорию познания⁷.

Помните, Степин заметил, что мысленные эксперименты специальной теории относительности, в которых фигурировали идеализированные наблюдатели, позволили выявить новые характеристики пространства–времени. И здесь мы имеем дело с демонстрацией активного характера человеческой познавательной деятельности, что как раз соответствует идеям Маркса о том, что познаваемый объект дан познающему субъекту не в форме созерцания, а в форме практики. Следует отметить, что в этом пункте у Вячеслава Степина был предшественник из числа тогдашних крупных физиков-теоретиков СССР (о чем я узнал значительно позже). Академик М.А. Марков в статье, опубликованной в одном из номеров журнала «Вопросы философии» за 1947 г., защищал традиционную копенгагенскую интерпретацию квантовой механики от невежественных идеологических нападок, ссылаясь именно на соответствующий тезис Маркса о Фейербахе. Так или иначе, но в момент моего появления в Институте физики я был уже неплохо вооружен и в методологическом плане.

В 1957 г. институт уже возглавил Борис Иванович Степанов, сменивший первого директора института – А.Н. Севченко, занявшего пост ректора Белгосуниверситета. Общенаучный кругозор Бориса Ивановича отчетливо проявился в одном важном отношении: он тонко чувствовал необходимость учета того аспекта, который в настоящее время принято называть социокультурной составляющей естественнонаучного исследования. Это обстоятельство проявилось в глубоком и органичном интересе к истории физики и ее методологическим проблемам.

С момента создания института Степанов организовал философский семинар, в числе активных участников которого я оказался практически с первых же дней своего пребывания в институте. Уровень семинара заметно выходил за рамки типовой ячейки «партилитпроса», в те времена идеологической структуры, обязательной для каждого научного учреждения. Наглядным показателем зрелости и реальной дееспособности семинара может служить тот факт, что помимо учебно-образовательных функций ему оказалось под силу осуществление квалифицированной экспертизы тогдашних «свежих» философских работ, претендовавших на новизну в вопросах методологии науки. Из этой области запомнились два эпизода, связанных с контактами между степановским семинаром и тогдашним Институтом философии Академии наук БССР. Как-то Борис Иванович откликнулся на поступившую из этого института просьбу обсудить выполненную там диссертационную работу, посвященную методологическому анализу дилеммы вещество – поле в физике. Высказанные в ходе семинара острые критические и одновременно конструктивные замечания поставили автора перед необходимостью существенной переработки диссертации, которая и сделала возможной ее последующую успешную защиту.

О втором эпизоде стоит рассказать более подробно, поскольку он имел в свое время некоторые социально значимые последствия.

Строгий партийный контроль за развитием философской мысли в АН БССР привел к тому, что содержащиеся в упомянутой выше книге критика «реакционного эйнштейнианства» и призыв к созданию «материалистической теории быстрых движений» были, судя по всему, восприняты как руководство к действию.

В рамках официальной программы исследований Института философии к концу 50-х гг. вышло достаточно объемное сочинение, доказывающее, что никакого единства вещественного пространства с мнимым временем быть не может. И вообще специальная теория относительности — это (цитирую по памяти, но почти дословно) «лишь внешне величественно орнаментированный храм эпохальных парадоксов, воздвигнутый на шаткой почве единственного ошибочно истолкованного эксперимента» (имелся в виду опыт Майкельсона — Морли). С этим автор идеи и ответственный исполнитель темы, один из ведущих тогда научных сотрудников Института философии А.К. Манеев, пришел к нам на семинар. Нужно сказать, пришел по собственной инициативе с многостраничным машинописным текстом в руках. Ознакомление с манускриптом показало, что автор не имеет представления ни о реальном содержании критикуемой им теории, ни об истории ее создания, ни о ее месте в системе знания о физическом мире, не говоря уже об отсутствии у него необходимых элементарных познаний в области оптики и электромагнетизма.

В процессе бурного и продолжительного обсуждения у участников семинара возникло впечатление, что автор стал понемногу осознавать глубину своих заблуждений. Во всяком случае, к концу заседания он выглядел явно озадаченным и клятвенно пообещал воздержаться от публикации своего сочинения. Однако спустя некоторое время, в 1960 г., этот текст в его первоизданном виде под заголовком «К критике обоснования теории относительности» был выпущен издательством «Наука и техника» под грифом Института философии АН БССР. Особую пикантность изданию придавала выраженная в предисловии авторская благодарность «философскому семинару Института физики АН БССР под руководством Б.И. Степанова за полезные обсуждения». Разразился скандал всесоюзного масштаба. Ф.И. Федоровым, М.А. Ельшиевичем и мной была написана рецензия фактически полностью воспроизводящая ту оценку содержания книги А.К. Манеева, которая была дана при обсуждении ее рукописного варианта на семинаре Института физики. Эта рецензия позднее была опубликована в журнале «Успехи физических наук»⁸. В декабре 1960 г. обсуждение книги А.К. Манеева состоялось в Институте философии АН СССР. Выводы, сделанные московскими специалистами, полностью совпали с нашими.

Эта история изрядно подпортила и без того не слишком привлекательный имидж белорусской философии в общесоюзном масштабе, и Степину пришлось первоначально столкнуться с некоторыми пробле-

мами в процессе налаживания творческих контактов с представителями новой философско-методологической волны, возникшей в СССР в атмосфере хрущевской оттепели.

Институт физики быстро рос и в научном, и в структурно-организационном отношении, так что модель единого философского семинара «для всех», с учетом обязательного условия охвата политехнической частью всех без исключения трансформировалась в следующую конструкцию: каждому подразделению — свой семинар, каждому семинару — профессиональный философ-консультант. Так возник методологический семинар лаборатории теоретической физики Института физики АН БССР, название которого «Происхождение и структура научной теории» исчерпывающим образом определяло его проблематику.

Руководителем семинара стал автор этих строк, Вячеслав Семенович оформил де-юре уже привычный для него статус философа-консультанта де-факто.

Полагаю, что Вячеслав Семенович сформировался как потенциальный лидер будущей методологической школы уже к началу 70-х. Была завершена произведенная нами «в четыре руки» по степинским «методологическим лекалам» историческая реконструкция процесса создания электромагнитной теории Максвелла, методологические работы Степина начали появляться на страницах высокоавторитетных профилированных изданий и сразу же привлекли внимание философского сообщества.

Нужно сказать, что лидеры белорусских научных школ — Федоров, Степанов, Ельяшевич исключительно высоко ценили философский и методологический талант Степина и оказывали ему постоянную поддержку на достаточно крутых поворотах его творческой и жизненной судьбы.

В самом конце 60-х мы вместе со Степиным написали небольшую книжку, посвященную методологическим проблемам физики. Встал вопрос о ее опубликовании, и он оказался трудноразрешимым. Дело в том, что незадолго до этого времени в ходе очередной идеологической кампании, прокатившейся по Советскому Союзу в связи с так называемыми чехословацкими событиями, Степин был исключен из партии, а затем восстановлен со строгим выговором «с занесением». Разумеется, он попал в разряд «крамольных» авторов, и вопрос о возможности опубликования его философских работ в Белоруссии поднялся до уровня задачи о квадратуре круга. И в этих условиях Федор Иванович, ознакомившись с содержанием нашей рукописи, согласился быть ее научным редактором и рекомендовал ее к опубликованию в академическом издательстве «Наука и техника» по тематическому плану Отделения физико-математических наук. Книга вышла в свет в 1970 г. под названием «Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики» и получила вдохновляющие для авторов отзывы⁹.

Сегодня представляется глубоко символичным, что «первый ученик» научной школы Б.И. Степанова, доктор физико-математических наук

Павел Андреевич Апанасевич в далеком 1975 г. выступил в качестве официального оппонента на защите в БГУ докторской диссертации В.С. Степина «Проблема структуры и генезиса физической теории». Ее содержание легло в основу фундаментальной монографии «Становление научной теории», опубликованной издательством БГУ в 1976 г. и положившей начало признанию степинской методологической концепции не только в СССР, но и в тогдашнем дальнем зарубежье.

На этом фоне позиция белорусского академического «истеблишмента» выглядела достаточно контрастной. В 1980 г. накануне выборов в белорусскую академию наук Степин уже получил «отпущение политических грехов» из уст самого Петра Мироновича Машерова — первого секретаря ЦК КПБ. Была адресно открыта вакансия члена-корреспондента по специальности «философия». Кандидатуру Степина поддержал ученый совет Института физики, агитировать за него на общее собрание отделения общественных наук пришел даже тогдашний президент АН БССР, известный физик-спектроскопист Н.А. Борисевич, но преодолеть глухую стену непонимания со стороны некоторых влиятельных представителей верхушки белорусского академического философского сообщества так и не удалось. Вспоминаю, как в перерыве для голосования маститый философ-академик К.П. Буслов, окруженный группой членов отделения, возмущенно говорил: «Этот Степин! Он, видите ли, все знает — и философию, и физику, и архитектуру, и искусство!» При этом было видно, что его негодование вполне искреннее и неподдельное.

Резюмируя все изложенное, можно сказать, что эксклюзивный характер феномена минской методологической школы состоит в следующем. Начальный этап ее формирования проходил в интеллектуальной и социокультурной атмосфере, философская составляющая которой была мало пригодной для творческого дыхания, зато естественнонаучная оказалась исключительно благоприятной и стимулирующей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Степин В.С., Касавин И.Т.* Важно, чтобы работа не прекращалась (интервью с академиком В.С. Степиным ведет И.Т. Касавин) // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 11–88.

² См. там же. С. 11–13.

³ См.: *Степин В.С.* Становление научной теории (содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний в физике). — Мн.: Изд-во БГУ, 1976. С. 21–22.

⁴ См.: *Степин В.С.* Конструктивные и прогностические функции философии // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 5–10.

⁵ См.: *Степин В.С.* Наука и философия // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 58–75.

⁶ См.: *Философские вопросы современной физики.* — М.: Изд-во АН СССР, 1952.

⁷ См.: Штейман Р.Я. За материалистическую теорию быстрых движений // Философские вопросы современной физики. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 234–298.

⁸ См.: Ельяшевич М.А., Федоров Ф.И., Томильчик Л.М. Рецензия на книгу: Манеев А.К. К критике обоснования теории относительности. – Мн.: Изд-во АН БССР, 1960 // Успехи физ. наук. 1961. Т. 74. Вып. 4. С. 757–759.

⁹ См.: Степин В.С., Томильчик Л.М. Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики. – Мн.: Наука и техника, 1970.

REFERENCES

Elyashevich M.A., Fedorov F.I., Tomilchik L.M. Review of the book: Maneev A.K. Critique of foundation of theory of relativity. In: *Successes of physics*. 1961. Vol. 74. Issue 4, pp. 757-759 (in Russian).

Philosophic aspects of contemporary physics. Moscow, 1952. 576 p. (in Russian).

Steinman R.Ya. For materialist theory of fast moves. In: *Philosophical questions of contemporary physics*. Moscow, 1952, pp. 234-298 (in Russian).

Stepin V.S., Tomilchik L.M. *Practical nature of cognition and methodological problems of contemporary physics*. Minsk, 1970. 95 p. (in Russian).

Stepin V.S. Constructive and prognostic functions of philosophy. In: *Voprosy filosofii*. 2009. No 1, pp. 5-10 (in Russian).

Stepin V.S. Formation of scientific theory. Minsk, 1976 (in Russian).

Stepin V.S., Kasavin I.T. It is important not to stop the work (interview with Academician V.S. Stepin). In: *Voprosy filosofii*. 2004. No 3, pp. 11-18 (in Russian).

Аннотация

В статье дан анализ предыстории формирования Минской методологической школы в 70–80 гг. прошлого столетия. С привлечением конкретного материала, относящегося к до- и послевоенной истории Белоруссии, показано, что сама возможность зарождения такой школы обусловлена наличием развитого естественнонаучного компонента тогдашнего социокультурного ландшафта Белоруссии – высокого уровня физико-математических наук и соответствующего университетского образования.

Ключевые слова: Минская методологическая школа, предмет философии, канонизированный диалект, тезисы о Фейербахе, активность субъектов познания.

Summary

The article covers pre-history of formation of Minsk methodological school of 1970-80-s. It presents some material from pre-war and after-war Belarusian history. The main factors and conditions of possible formation of such school (well-developed component of natural sciences in Belarusian culture and society of that period, including high level of physics and corresponding to it university education) are explicated.

Keywords: Minsk methodological school, subject of philosophy, 'canonized' dialectical materialism, Marx's thesis on Feuerbach, activity of subject of cognition.